

НОВАЯ

ISSN 0130-3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

К ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
"СОБСТВЕННОСТЬ В XX СТОЛЕТИИ"

"КРУГЛЫЙ СТОЛ". ИСТОРИК, ИСТОЧНИК И ИНТЕРНЕТ

ПЕРЕГОВОРЫ Н.С. ХРУЩЕВА С МАО ЦЗЭДУНОМ 2 ОКТЯБРЯ 1959 г.
ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

НАКАНУНЕ СОБЫТИЙ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ 1939 г.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА Л. РАЙКА. ВЕНГРИЯ 1949 г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ И РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ.
ПО АРХИВАМ МИД РОССИИ

ПОРТРЕТ ИСТОРИКА. А.И. ДАНИЛОВ (1916–1980)

2

2001

См.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

2001

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Академик Виноградов В.А. К итогам Международной научной конференции "Собственность в XX столетии"	4
Исламов Т.М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв.	11
Лузянин С.Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932–1939 гг.	41
Гелла Т.Н. (Орел). Либерализм и "новый империализм" в Великобритании в 80–90-х годах XIX века	52

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Историк, источник и Интернет	66
------------------------------------	----

ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. (окончание)	94
--	----

ПО АРХИВАМ МИД РОССИИ

Стегний П.В. Первый раздел Польши и российская дипломатия (окончание)	107
--	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Желицки Б.Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г.	125
Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I (окончание)	139
Лабутина Т.Л. Женское образование в стюартовской Англии (1603–1714 гг.)	153

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Золотухин В.П. Новое документальное издание по истории российско-американских отношений начала XX в.	168
--	-----

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ

Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916–1980)	175
--	-----



РЕЦЕНЗИИ

Академик Тихвинский С.Л. История человечества. Научное и культурное развитие. Т. IV. От VII до XVI в. Лондон, 2000	191
Седых В.Н. Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962. М., 2000	194
Пиетров-Эннер Б. Нападение Германии на Советский Союз, 1941. Дискуссия по поводу тезиса о превентивной войне. Дармштадт, 1998	197
Делюсин Л.П. Шэнь Чжихуа. Экономический фактор в китайско-советском союзе. 1948–1953. Гонконг, 2000	199
Ревякин А.В. Г.А. Шатохина - Мордвинцева. Внешняя политика Нидерландов. 1713–1763 гг.: становление голландского нейтралитета. М., 1998	201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бибиков М.В. Международная конференция "Христианство на пороге нового тысячелетия"	203
Гришина Р.П., Васильева Н.В. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века	205
Новикова Е.Э. Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения	208
Мюллер К. (Франция). Французский университетский колледж	210
Роберту Федоровичу Иванову – 75 лет	212
Абдулхану Абдурахмановичу Ахтамзяну – 70 лет	213
Виталию Ивановичу Шеремету – 60 лет	215

ХРОНИКА

Юрий Львович Бессмертный	219
---------------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский
(ответственный секретарь), **Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков,**
В.Н. Малов, И.И. Орлик, А.В. Ревякин, Л.П. Репина,
В.В. Рогинский, В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский, В.В. Согрин,
С.Л. Тихвинский, Е.И. Тряпцын (зам. главного редактора),
А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков

Адрес редакции: 119991, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26,
тел. 238-08-74

© 2001 г.

Б.Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ, Н.И. СМОЛЕНСКИЙ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ДАНИЛОВ (1916–1980)

Одна из характерных черт современной историографической ситуации – пересмотр отношения к прошлому отечественной исторической науки, в особенности к ее советскому периоду. Сам по себе такой пересмотр представляет собою объективный процесс, будучи следствием как тех глобальных перемен, которые пережила страна в последние десятилетия, так и развития самой исторической науки. Перефразируя известную максиму, можно утверждать, что каждое поколение заново переосмысливает прошлое своей науки. Тем более это верно для современного поколения, пережившего крушение безраздельно господствовавшей в советский период марксистской парадигмы истории.

Такое переосмысление прошлого науки не должно, однако, сводиться к простой перемене знаков, в особенности в оценке ее современного периода. К сожалению, на смену былой апологетики марксизма как единственно верного социально-философского учения зачастую приходит огульное отрицание всякого его научного значения, а тем самым и отрицание основанной на нем советской историографии как некоей фабрики сплошной фальсификации истории. Постулируется решительный разрыв с марксистско-советским прошлым как необходимое условие возрождения отечественной историографии и ее включения в мировую историческую науку¹.

Речь идет о действительно важной проблеме – преемственности в развитии науки, воплощающей определенные традиции, присутствующие в каждой национальной историографии и выражающие ее специфические особенности. Ибо положение о том, что каждая самобытная культура может успешно развиваться, лишь произрастая на национальной почве, имеет прямое отношение к исторической науке, являющейся ее органическим ингредиентом. Даже в нынешнее время прогрессирующей интернационализации деятельности историков каждая национальная историография сохраняет свой собственный стиль, формирующийся в процессе ее длительного развития.

В свете этого представляется актуальной объективная оценка советского периода в развитии отечественной историографии во всей его сложности и противоречивости. Одним из возможных подходов к решению этой задачи является анализ жизненного и творческого пути крупнейших деятелей советской исторической науки, отразивших в своем творчестве характерные черты всего периода.

К таким ученым принадлежит Александр Иванович Данилов (1916–1980), получив-

Могильницкий Борис Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Томского государственного университета.

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Московского педагогического университета.

¹ См., например: *Искандеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века. – Вопросы истории, 1996, № 4.

ший известность своими исследованиями в области аграрной истории раннего немецкого средневековья, историографии всеобщей истории и методологии истории.

Жизненный путь А.И. Данилова ярко отразил лучшие черты рожденного советской властью поколения, начинавшего трудовую деятельность в предвоенные годы, вынесшего на своих плечах тяжесть Великой Отечественной войны, сыгравшего выдающуюся роль в послевоенном развитии страны. Он родился в селе Добром, ныне Липецкой области, в учительской семье. После окончания Уваровского педучилища работал учителем сельской школы, заочно окончил Тамбовский педагогический институт и поступил в аспирантуру знаменитого ИФЛИ – Института философии, литературы и искусства, где его учителем был крупнейший советский медиевист А.И. Неусыхин. Учебу прервала война. В 1941–1945 гг. А.И. Данилов – офицер Советской Армии, участник освобождения народов Европы от фашистского гнета. На фронте вступил в партию. После демобилизации успешно окончил аспирантуру Московского государственного университета (с которым в 1941 г. слился ИФЛИ), защитил кандидатскую диссертацию и в 1947 г. по рекомендации своего учителя приехал в Томский государственный университет.

В Томске Александр Иванович начинал преподавателем, стал профессором, доктором исторических наук, а в 1961–1967 гг. (с небольшим перерывом в 1959–1961 гг., когда он работал в Казанском университете) был ректором Томского университета. В 1967 г. А.И. Данилов был избран действительным членом Академии педагогических наук. В том же году назначен министром просвещения РСФСР и оставался в этой должности вплоть до своей преждевременной смерти. В 1966–1970 гг. избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Сын своего времени, А.И. Данилов искренне верил в идеалы, но также разделял многие его предрассудки и предубеждения. Главное же, он являл собою тип сформированного временем ученого-гражданина, страстного защитника советской общественно-политической системы, носителя ее идеологии. Вместе с тем он никогда не был узким догматиком, бездушным "винтиком" системы, бездумно проводившим ее "линию". Рожденный системой, он в чем-то существенном выходил за ее жесткие идеологические параметры. Яркая и самобытная личность, он никак не был похож на убогого "совка", послушного раба и орудие тоталитарного режима.

Впрочем, нельзя рисовать однотонными красками, темными или светлыми, и саму советскую действительность, в которой разворачивалась деятельность А.И. Данилова. Все обстоит значительно сложнее. Сотканная из противоречий, эта действительность порождала такие же противоречивые фигуры, ее представлявшие. Вот почему необходим взвешенный подход к созданию образа А.И. Данилова – ученого, педагога, общественного и государственного деятеля советского времени.

К сожалению, такой взвешенный подход отсутствует в посвященной А.И. Данилову статье А.Я. Гуревича², нарисовавшего мрачную фигуру своеобразного антигероя советской медиевистики, потратившего свои способности во вред самому себе и всей науке. Признаем, что А.Я. Гуревич избрал для своих нападок действительно уязвимые для критики работы А.И. Данилова. В особенности это относится к статье о Д.М. Петрушевском, самой, пожалуй, идеологизированной и политизированной из всех его работ, глубоко несправедливой в оценке творчества выдающегося русского медиевиста³. Со временем понял это и сам А.И. Данилов. Во всяком случае, в 70-е годы, будучи ответственным редактором ежегодника "Средние века", он инициировал публикацию в его 38-м выпуске (1975 г.) статьи, свободной от идеологических штампов в осмыслении научной деятельности Д.М. Петрушевского, стремившейся объективно показать ее место в отечественной науке.

² Гуревич А.Я. Путь прямой, как Невский проспект, или Исповедь историка. – Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994.

³ Данилов А.И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков. – Средние века. Вып. VI. М., 1955.



Александр Иванович Данилов

Но признаем также, что в своих инвективах А.Я. Гуревич менее всего озабочен отысканием истины. Цель у него иная – разоблачить и заклеить. Это заведомо исключает всякую попытку понять действительное значение А.И. Данилова в науке. Такое понимание может быть достигнуто лишь при условии целостного осмысления многогранной деятельности А.И. Данилова, в свою очередь отражавшей целостность его незаурядной личности. Мы коснемся прежде всего ее важнейшей грани – научно-педагогической деятельности⁴. Не упуская из виду других сторон деятельности А.И. Данилова, мы сосредоточимся на этой, так как именно здесь рельефнее всего проявилась его самобытная личность, весь ее интеллектуальный потенциал.

Наконец, именно здесь отчетливо прослеживается момент преемственности в развитии отечественной исторической науки. Ученик А.И. Неусыхина, А.И. Данилов до конца дней своих хранил трогательную привязанность к учителю, многому профессионально учился у него, плодотворно сотрудничал с ним. О том, насколько близки были их отношения, свидетельствует их переписка. Опубликованные письма А.И. Данилова, охватывающие 1945–1968 гг., представляют собой своеобразный отчет о своей деятельности, мыслях, планах⁵.

Сначала это – впечатления о послевоенной Европе, а затем и о событиях, происходящих на родине. О степени духовной близости между учителем и учеником свидетельствуют содержащиеся в письмах отклики на проводившиеся в стране идеологические кампании. С возмущением писал А.И. Данилов о перевертышах, готовых с легкостью необыкновенной менять свои научные взгляды. "Вчера они боялись, что их объявят великодержавными шовинистами, сегодня они Белинского ставят выше Гегеля... Во всяком случае, – выражает он надежду, – "завтра" такого рода типам принадлежать не может"⁶. Увы, "завтра" пришла яростная кампания против "космополитов", и А.И. Данилов с тревогой писал учителю в сентябре 1949 г.: "Неопределенность и неясность в положении исторической науки были удручающи. Даже в Томске чувствовались отзвуки этого"⁷.

⁴ Путь А.И. Данилова в науке и основные черты и методы его научных исследований освещены в статье: Гутнова Е.В., Могильницкий Б.Г., Мильская Л.Т. и Смоленский Н.И. Творческий путь академика АПН А.И. Данилова. 1916–1980. – Средние века, вып. 46. М., 1983. Там же опубликован список научных трудов А.И. Данилова.

⁵ А.И. Данилов. Письма А.И. Неусыхину. Публикация Л.Т. Мильской. – Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 18. Томск, 1986.

⁶ Там же, с. 135.

⁷ Там же, с. 146.

Но, конечно, центральное место в письмах А.И. Данилова занимают вопросы, характеризующие круг его научно-педагогических интересов. В первых письмах это хлопоты, в которых деятельное участие принимал А.И. Неусыхин, об аспирантуре в МГУ. А затем пошли письма из Томска, где он делился с учителем впечатлениями о начале своей педагогической деятельности, объем которой был весьма внушительным. Это – общие курсы по истории средних веков и, несколько позже, новой истории, практические и семинарские занятия, спецкурсы.

Поражает пронизывающее эти письма чувство неудовлетворенности преподавательской работой. "В своих лекциях, – писал А.И. Данилов, – я с трудом нахожу правильный тон и стиль изложения. То сбиваюсь в крайне сухой академизм, то в "агитацию" плакатного типа, порой же дело начинает идти как на школьном уроке". "Боюсь, что студенты от души меня ненавидят", – читаем мы в следующем письме⁸. И это человек, который уже в первый год своей работы на историко-филологическом факультете Томского университета стал одним из самых уважаемых и любимых преподавателей! Глубокие по содержанию и кристально ясные по форме лекции А.И. Данилова пользовались неизменной любовью томских студентов. То же относится и к другим видам его учебных занятий.

Но не являлась ли эта постоянная неудовлетворенность собой, сочетавшаяся с исключительной работоспособностью, необходимой предпосылкой реализации его яркого педагогического таланта? И не сказалось ли на такой самооценке сравнение, может быть, даже подсознательное, себя, начинающего преподавателя, с блестящим университетским профессором, каким был его учитель? Действительно, дистанция была велика, и требовались огромные усилия ученика, воспринимавшего благодарное влияние учителя, для ее сокращения.

О характере этого влияния следует сказать особо, поскольку оно воплощает преемственность в развитии отечественной исторической науки. Ученик Д.М. Петрушевского, А.И. Неусыхин в 40–50-е годы оставался одним из немногих хранителей и продолжателей отечественной традиции университетского изучения и преподавания всеобщей истории. Отметим такие характерные черты этой традиции, снискавшие высокое международное признание российской высшей школы, как органическое сочетание scrupulous историковедческого анализа и широких теоретических обобщений, система семинарских занятий, основанных на изучении и интерпретации исторических источников, тесное неформальное общение между учителем и учениками.

Следует особенно подчеркнуть место в университетском преподавании, которое занимали профессорские лекции. В российских университетах эти лекции всегда значили нечто большее, чем рутинный элемент учебного процесса. Это были широкие концептуальные курсы, раскрывавшие не только ту или иную историческую проблематику, но и в не меньшей мере личность самого лектора, его видение истории, равно как и общее мировоззрение. Основывающиеся на обширном историографическом материале, такие курсы носили выраженный творческий характер, выполняя не только обучающую, но и важную мировоззренческую функцию, воспитывая не узких специалистов по определенной тематике, а именно "всеобщих историков", стремившихся осмыслить общие закономерности развития как своей науки, так и самого исторического процесса. Достаточно вспомнить выдержавшие несколько изданий, в том числе и в советское время, известные курсы Д.М. Петрушевского "Очерки из истории средневекового общества и государства" и "Очерки из истории английского государства и общества в средние века", чтобы убедиться, какое место занимали лекционные курсы в деятельности российского университетского профессора, какой своеобразной формой его самовыражения они являлись.

В сущности, такое отношение к университетскому преподаванию было присуще и А.И. Неусыхину, который сумел сохранить эту традицию академического образования, развивая ее в новых исторических условиях. Вспоминая о педагогическом

⁸ Там же, с. 142, 143.

мастерстве своего учителя, А.И. Данилов писал: "Будучи предельно насыщенными по своему научному содержанию, убедительными и яркими, лекции А.И. Неусыхина, руководимые им занятия по своему значению для студентов далеко выходили за пределы изучения только средневековой истории. Они играли большую роль в формировании исторического мышления будущих преподавателей средней и высшей школы, в выработке столь важного в педагогическом труде историка умения раскрывать смысл исторических явлений и фактов, умения вести учащихся от исторических событий к историческим обобщениям как результату теоретического осмысления многоликой исторической действительности"⁹. Едва ли будет ошибкой полагать, что именно благодаря этим качествам А.И. Неусыхин воспитал целую плеяду талантливых исследователей-медиевистов, обладавших развитым вкусом к теоретическим проблемам истории.

В первые же годы самостоятельной работы А.И. Данилов предпринимает попытку перенести на томскую почву почерпнутую у своего учителя традиционную модель подготовки студентов-медиевистов. Он осуществляет специализацию по истории средних веков, основные элементы которой составляли изучение общих закономерностей развития средневекового общества, углубленное рассмотрение генезиса западноевропейского, преимущественно германского, феодализма, самостоятельная работа студентов со средневековыми текстами и подготовка на этой базе курсовых и дипломных сочинений.

Участники первого спецсеминара А.И. Данилова (1948–1951 гг.) навсегда сохранили в своей памяти и тот энтузиазм, с которым они принимались за изучение средневековых картуляриев и полиптиков, и нередко посещавшее их при этом отчаяние, когда казалось невозможным справиться с варварской латынью, и маленькие "открытия" и радости, которыми в конечном итоге вознаграждались их усилия, и, в особенности, ту атмосферу творческого поиска, которая создавалась совместной работой руководителя семинара и его учеников.

Важнейшим результатом этих занятий являлось формирование у студентов той высокой академической культуры, обладание которой американский историк Дж. Энтин считает великим преимуществом России перед другими странами. Перечисляя элементы этой культуры (дух семинара Ранке со свойственными ему высокими стандартами эрудиции, строгость критического анализа источников и специальной литературы и т.п.), Дж. Энтин с немалым удивлением пишет, что "эти нормы, лежавшие глубже доктрины классовой борьбы, как это ни странно, выжили и в годы советской власти"¹⁰.

Но, может быть, одна из причин такой стойкости традиции академической культуры в российских университетах как раз и заключалась в том, что между этой культурой и "доктриной классовой борьбы" не было столь неодолимого противоречия, как это представляется американскому автору? Приверженность марксизму не только не исключала, но скорее предполагала необходимость овладения высокой исследовательской техникой, так как это учение претендовало на научное познание исторической действительности и нуждалось поэтому в соответствующем уровне профессиональной подготовки историков. Другое дело, что целые отрасли советской исторической науки, подобно истории КПСС или истории Октябрьской революции и советского периода, были предельно политизированы и идеологизированы. Но чем далее уходила исследовательская проблематика от современности, тем более она была свободна от конъюнктурных подходов, тем непредрешеннее становился научный поиск и тем настоятельней делалось обращение к академической традиции, столь богатой, в частности, в изучении и преподавании истории средних веков. Неудивительно поэтому, что молодой историк-марксист, получивший в аспирантуре у

⁹ Данилов А.И. А.И. Неусыхин – историк-медиевист, ученый и педагог. – Средние века. Вып. 32. М., 1969, с. 11–12.

¹⁰ Энтин Дж. Взгляд со стороны: о состоянии и перспективах российской историографии. – Вопросы истории. 1994, № 9, с. 191.

А.И. Неусыхина блестящую профессиональную подготовку, по приезде в Томский университет начал энергично культивировать в своей работе со студентами традиции отечественной медиевистики.

По мере перемещения центра научных интересов А.И. Данилова в область историографии и, позднее, методологии истории, менялась и проблематика его занятий с учениками. Впервые в стране А.И. Данилов организует в Томском университете специализацию студентов-историков по историографии всеобщей истории.

Стройная система такой специализации окончательно складывается в 60-е годы, время расцвета научно-педагогической деятельности А.И. Данилова. Она включала в себя чтение курсов по методологии истории и историографии всеобщей истории, основательную языковую подготовку специализирующихся студентов и, конечно, спецсеминары и индивидуальные занятия с ними. Как и в конце 40 – начале 50-х годов, вся тяжесть специализации ложилась на плечи одного человека. Приходится только удивляться, как ему удавалось сочетать эту работу с деятельностью на посту ректора Томского университета и выполнением многих других обязанностей, в том числе и депутата Верховного Совета СССР.

Нельзя не признать, что осуществление специализации по историографии скрывало в себе немало подводных камней, среди которых следует особо отметить опасность подмены серьезного историографического исследования поверхностным "разбором полетов", построенном на нехитром приеме сопоставления критикуемого с нормативным. Тем более, что обладание "единственно верным" учением вводило в понятный соблазн принимать позу верховного судьи, твердо знающего, кто прав и кто виноват. С другой стороны, перед начинающим исследователем в области историографии, несомненно, встают и серьезные объективные трудности, выражающиеся в отсутствии сколько-нибудь существенного опыта самостоятельной научной работы. Между тем, ему приходится иметь дело с крупным ученым или целой историографической школой, известными своим реальным вкладом в развитие науки. Может ли студент, даже с помощью своего научного руководителя, оценивать профессора? Не будет ли такая оценка профанацией самого жанра историографического исследования?

Эти далеко не праздные вопросы побуждают внимательнее всмотреться в принципы работы А.И. Данилова со своими учениками, тем более, что они закладывали основы созданной им историографической школы. Прежде всего отметим достаточно четко очерченный ракурс этой работы. А.И. Данилов ориентировал учеников на изучение идейно-теоретических основ "буржуазной", по тогдашней терминологии, историографии. Это изучение осуществлялось в рамках исследовательской программы "Взаимоотношение истории и современности на разных этапах развития исторической науки" и открывало определенные возможности для самостоятельной работы даже для начинающих авторов, ибо центр тяжести переносился в среду, где их основательная методологическая и общеисторическая подготовка помогала в поисках собственных подходов к освещению взглядов тех или иных историков, в какой-то мере "снимающих" различие в их историографическом опыте. Место примитивного оценочного подхода, основывающегося на определении близости взглядов данного ученого к материалистическому пониманию истории, занимало исследование доступной методологической проблематики в контексте изучения взаимоотношения истории и современности.

Конечно, молодого исследователя и здесь подстерегал искушение упрощенных решений, сведения изучаемой проблемы к критике "чуждых взглядов". Но в том, чтобы не допустить этого, как раз и заключалась роль научного руководителя. В своей научно-педагогической деятельности А.И. Данилов последовательно стоял на позициях материалистического понимания истории.

Важно, однако, не упустить из виду и другое. Убежденный в превосходстве исторического метода Маркса, передававший эту убежденность своим ученикам, А.И. Данилов вместе с тем воспитывал у них серьезное отношение к немарксистской

историографии именно как к науке, изучение теоретико-методологических основ которой не терпит поверхностного идеологизированного подхода. Не раз ученики А.И. Данилова получали от него предметные уроки того, что к немарксистским историкам следует относиться именно как к ученым, а не заведомым фальсификаторам истории или вовсе недоумкам, не сумевшим или не захотевшим постичь свет исторического знания.

Тем более, что перед их глазами был пример учителя. Конечно, не следует упрощать. Путь самого А.И. Данилова в науке не был прост. Уже упоминалась его статья о Д.М. Петрушевском, огорчительная вдвойне, так как была направлена против учителя своего учителя. Остро ощущая связь исторической науки и современности, он неизбежно отражал в своем творчестве пристрастия и заблуждения времени, в котором жил. Собственно, его становление как ученого и заключалось в постепенном освобождении от влияния этих пристрастий и заблуждений.

Любопытно в этой связи сравнить первоначальное и окончательное название темы его докторской диссертации: "Политическая реакционность и антинаучная сущность немецкой историографии конца XIX – начала XX вв."¹¹ и "Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв." (М., 1958). Трудно поверить, что речь идет об одной и той же работе – настолько исполнение отличалось от замысла. Дело, конечно, не просто в смене названия. Главное – в изменении самого отношения к изучению западной историографии, в процессе которого и сложилась томская историографическая школа.

Показательный штрих. Рождение школы ознаменовалось выходом в свет сборника "Методологические и историографические вопросы исторической науки"¹², почти наполовину состоявшего из студенческих работ. С понятным чувством удовлетворения, сообщая А.И. Неусыхину о выходе сборника, А.И. Данилов подчеркивает, что "он составлен из опусов моих бывших и настоящих студентов (2 доцента + + 1 аспирант + 2 студента)... Это первый сборник, который состоит из статей, написанных под моим руководством, и я солгал бы, если сказал бы, что совершенно им недоволен"¹³. В сущности, таким же по своему составу были и последующие выпуски сборника. Так студенческие и аспирантские публикации составили ядро формирующейся историографической школы, что уже само по себе свидетельствовало об их научном уровне.

Еще один штрих – подчеркнуто академическое название сборника, в котором отсутствовали такие распространенные в то время обороты в титулатуре подобных изданий, как "Критика..." или "Против фальсификации истории...". Может быть, и это тоже предупреждало начинающих исследователей от лихих атак на немарксистскую историографию. Осуществлявшийся ими историографический анализ, естественно, основывался на марксистских постулатах. Однако, как бы это на первый взгляд парадоксально не звучало, сами принципы работы А.И. Данилова с учениками открывали потенциальную возможность расширения ими методологической базы своих исследований¹⁴.

К ним мы еще вернемся. Здесь же уместно остановиться на вопросе о самой личности ученого как важном школообразующем факторе. Создатель жизнеспособного коллектива, претендующего на ранг научной школы, помимо выдающихся профессиональных способностей должен обладать определенными качествами руководителя, формирующего и цементирующего школу, придающего ей черты неформального, а потому особенно прочного образования, основанного не только на

¹¹ См.: Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева за 75 лет. Томск, 1960, с. 454.

¹² Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963.

¹³ А.И. Данилов. Письма А.И. Неусыхину, с. 170.

¹⁴ Об этих принципах см.: Могильницкий Б.Г. Научно-педагогическая деятельность А.И. Данилова. – Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 15. Томск, 1982, в особенности с. 18–19.

профессиональных отношениях между учениками и учителем, но и, пожалуй, не в меньшей степени на глубоком чувстве их личной привязанности к нему, благодаря чему в их восприятии складывается целостный образ ученого и человека.

В полной мере эти качества были присущи Александру Ивановичу. Властное притяжение его личности с особой силой испытывали студенты. Всякий раз, когда он впервые появлялся в учебной аудитории, будь это в 1947 г. в Томске, в 1959 г. в Казани или в 1961 г. опять в Томске, между ним и студентами быстро устанавливалась особого рода эмоциональная связь, основанная не только на их восхищении профессиональным мастерством преподавателя, но и на обаянии самой его личности. Сила этого обаяния и сегодня живет в памяти выпускников Томского и Казанского университетов, и не только историков, но и филологов, юристов, всех тех, кто с ним когда-либо общался.

Особенно тесной эта эмоциональная близость была между А.И. Даниловым и его непосредственными учениками. Собственно, для многих из них выбор специализации определялся именно притяжением личности научного руководителя. Их любовь к учителю поистине не знала расстояний. Когда, например, А.И. Данилов вновь в начале 60-х годов перешел на работу в Томский университет, вслед за ним из Казани приехала большая группа его учеников, которым суждено было стать ядром складывавшейся школы. В свою очередь и ученики А.И. Данилова всегда могли рассчитывать на дружеское участие и помощь своего руководителя, выходившие за рамки их формальных отношений.

Отметим, наконец, еще одно обстоятельство, способствовавшее формированию жизнеспособной научной школы. Выраженный педагогический и человеческий талант А.И. Данилова, его многогранность привлекали к нему самых разных людей, различающихся между собой не только направлением своих научных интересов, но и, в определенной степени, мировоззрением. Не случайно, что сегодня его ученики придерживаются различных историко-теоретических взглядов и политических убеждений, объединяясь лишь в своей любви к человеку, который привил им глубокое уважение к подлинной науке.

И, следует обязательно добавить, привил навыки самостоятельной исследовательской работы. Важнейший принцип педагогической работы А.И. Данилова может быть обозначен как сочетание высокой требовательности к своим ученикам и доверия к ним. Он никогда не давил на них своим громадным научным авторитетом, поощрял их творческий подход к делу, даже если при этом получались результаты, не совпадавшие с его исходными установками.

Закономерным поэтому является прогрессирующее расширение сферы научных интересов учеников А.И. Данилова, которые существенно раздвинули первоначальные рамки школы, что легко можно проследить, сопоставляя различные выпуски сборника "Методологические и историографические вопросы исторической науки". Думается, что именно благодаря этому принципу он и смог создать свою школу в изучении историографии всеобщей истории. Ведь рабское подражание даже очень талантливому ученому еще не делает школы.

Но речь идет не только и даже не столько о простом количественном расширении исследовательской проблематики. Постепенно, в особенности в трудах следующего поколения – "научных внуков" А.И. Данилова – стали появляться новые подходы, выходящие за рамки традиционной марксистской парадигмы историографического исследования. В этом ключе, в частности, были написаны работы, характеризующие развитие западной исторической мысли XX в.¹⁵

¹⁵ См., например: Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории: Мировоззрение А.Дж. Тойнби. Томск, 1986; *его же*. Об антициентистских тенденциях в западной историко-теоретической мысли 70–80-х годов. – Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 19. Томск, 1990; Гурьев В.С., Коладий Н.А. "Я мыслю, – следовательно, я страдаю (Абрис культурно-исторической концепции И. Хейзинги). – Там же, вып. 17. Томск, 1983; Николаева И.Ю. Проблемы интеллектуальной истории в современной американской историографии. – Там же, вып. 19. Томск, 1990.

Не в этой ли плавной эрозии исходных идейно-теоретических позиций скрывается одна из причин того, что крушение безраздельного господства в отечественной науке марксистского учения не привело к глубокому мировоззренческому кризису школы, сформировавшейся на его методологической основе. Не было ни демонстративного отречения от марксистской методологии, ни стремления "не поступаться принципами". Была и продолжается напряженная работа по осмыслению современной историографической ситуации и поисков своего места в ее изучении.

Сегодня это место в значительной степени определяется анализом тех тенденций в развитии новейшей западной историографической мысли, которые связаны с утверждением антропологического подхода в изучении истории¹⁶. Соответствующая проблематика занимает все более видное место и на страницах сборника "Методологические и историографические вопросы исторической науки". Показательным в этом отношении является его последний, 22-й выпуск, авторами которого, за незначительным исключением, являются студенты и аспиранты кафедры истории древнего мира и средних веков Томского университета¹⁷.

Уже сам выход сборника в таком составе свидетельствует, что томская историографическая школа обладает в лице способной, хорошо подготовленной научной молодежи значительным творческим потенциалом. Это дает основание полагать, что сочетая традиционные для нее широту историографических интересов и пристальное внимание к теоретико-методологическим проблемам исторической науки с новыми исследовательскими подходами, связанными, в частности, с изучением истории ментальностей, а также культуры (элитарной и, особенно, народной), она сможет занять свою нишу в современной науке о человеке в истории. Но это означает присутствие в ее основании здорового начала, заложенного А.И. Даниловым.

В самом общем виде эволюция идейно-теоретических основ школы может быть обозначена как отказ от крайних эпистемологических подходов, стремление к методологическому плюрализму. Безусловно, такой вектор развития школы никак не программировался ее основоположником. Для этого требовались радикальные перемены в стране, мире и самой исторической науке. Но не следует упускать из виду и ту творческую атмосферу во взаимоотношении между разными поколениями исследователей, основания которой заложили принципы работы А.И. Данилова со своими учениками и которая существенно облегчала и ускоряла эту эволюцию.

Здесь уместно вернуться к статье А.Я. Гуревича, в которой задавался риторический вопрос, на что А.И. Данилов "потратил свои способности и, главное, какую научную стезю избрал?"¹⁸. Думается, убедительный ответ на него дают результаты научно-педагогической деятельности ученого, составившей органическое звено в развитии отечественной историографии всеобщей истории. И дело не только в создании жизнеспособной научной школы, питомцы которой плодотворно работают в различных университетских центрах не только России, но и за ее пределами. Заложенные в ее основании принципы историографического исследования обусловили ее открытость, включающую восприятие даже первоначально чуждых ей историографических явлений, способность к их оценке, свободной от вненаучных подходов. В частности, это относится к восприятию работ А.Я. Гуревича по истории средневековой культуры, открывших новое перспективное направление в отечественной медиевистике.

Любопытная деталь. Когда был выдвинут на соискание российской Государственной премии 1993 г. цикл исследований А.Я. Гуревича по истории и теории культуры, Комитет по госпремиям послал их на официальное заключение на кафедру истории древнего мира и средних веков исторического факультета Томского университета, которая организовала их широкое обсуждение. В итоге исследования А.Я. Гуревича,

¹⁶ См. в особенности коллективную монографию "К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли". Томск, 1994.

¹⁷ Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 22. Томск, 1994.

¹⁸ Гуревич А.Я. Указ. соч., с. 12.

конечно, были рекомендованы на Государственную премию. Конечно, – потому, что они к этому времени широко вошли в практику преподавания на кафедре и факультете, обнаружив свою большую эвристическую ценность. В значительной степени благодаря именно этим работам, наряду с трудами М.М. Бахтина, французских "анналистов", американских и английских представителей "новой интеллектуальной истории", история ментальностей заняла видное место в методологическом инструментарии Томской историографической школы, расширяя ее плюралистскую основу.

К сожалению, подобной широты не хватило А.А. Гуревичу в оценке места А.И. Данилова в развитии отечественной историографии. Разумеется, это место определяется не только созданной им историографической школой. Достаточно вспомнить, что А.И. Данилов стоял у истоков возрождения изучения и преподавания методологии истории в нашей стране. Его письмо в редакцию журнала "Вопросы истории"¹⁹, где впервые в послевоенной советской историографии подчеркивалась настоятельная необходимость широкого развертывания историко-методологических исследований, по существу, инициировало их начало. Подчеркивая необходимость творческой разработки гносеологических проблем исторической науки, А.И. Данилов давал их примерный перечень: "своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке, природа исторических понятий, специфика их образования ... диалектика общего, единичного и особенного в историческом познании..."²⁰.

Едва ли можно сомневаться, что эти проблемы и сегодня в полной мере сохраняют свою актуальность. Другое дело, что и в этой, и в следующих своих методологических статьях А.И. Данилов настаивал на последовательно марксистской разработке этих проблем, к тому же в контексте "активной наступательной борьбы против современной буржуазной историографии" и защиты "чистоты марксизма". Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня такая позиция представляется достаточно уязвимой и легко может стать объектом праведного гнева.

Но вернемся в день вчерашний. Тогда, в 60-е годы, всякое развитие методологии в советской исторической науке возможно было лишь на основе марксистского учения. И не только потому, что хрущевская "оттепель" не поколебала положение марксизма как официальной идеологии в обществе. Не менее существенным было то обстоятельство, что сами ученые, возрождавшие методологию истории, были твердо убеждены, что "отправным и совершенно необходимым условием" разработки методологии истории является освоение марксистского, ленинского наследия. «Оно должно быть, и переломный характер эпохи к этому обязывает с особенной силой, – подчеркивалось далее в имевшем программное значение редакционном вступлении к изданию сектора методологии истории Института истории АН СССР "Историческая наука и некоторые проблемы современности", ответственным редактором которого был руководитель сектора М.Я. Гефтер, – новым прочтением исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина»²¹.

Отметим, что сама идея создания такого сектора была выдвинута в цитированном выше письме А.И. Данилова, где указывалось на необходимость решить вопрос об организационных формах развертывания теоретико-методологических исследований. С этой целью предлагалось "создать такую организационную ячейку, которая стала бы центром притяжения для всех ученых, занимающихся теоретико-методологическими вопросами исторической науки"²². Именно такой ячейкой и стал возглавлявшийся М.Я. Гефтером сектор методологии истории, сделавшийся за короткий срок своего существования (1964–1969 гг.) авторитетным центром историко-методологи-

¹⁹ Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки. – Вопросы истории, 1961, № 3.

²⁰ Там же, с. 217.

²¹ Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 6.

²² Данилов А.И. О некоторых вопросах..., с. 217.

ческих исследований, щедро генерировавший новаторские идеи в сфере разработки теории исторического процесса и природы исторического познания.

Правда, в дальнейшем пути зачинателей советской методологии истории существенно разошлись. Как раз Данилова и Гефтера немецкий историк советской исторической науки Й. Хеслер называет ведущими представителями двух альтернативных подходов в методологических дискуссиях 60–70-х годов – "ортодоксального" и "ревизионистского"²³. Признаем также, что ревностная защита "чистоты" марксизма объективно была чревата опасностью стагнации советской исторической науки, ее отставания от мирового уровня, в теоретическом плане все более определявшегося выраженным методологическим плюрализмом.

Но было бы искажением исторической правды и просто неблагодарностью забывать о месте А.И. Данилова в самом становлении историко-методологических исследований в стране. Тем более, что и его отношение к западной историографии отнюдь не было таким однозначно негативным, как это представляется А.Я. Гуревичу, изображающему его в роли сурового судьи ее. В действительности эта роль была намного сложнее; еще в начале 60-х годов А.И. Данилов был едва ли не первым в послевоенной советской историографии, кто, указывая на интенсивные искания западных ученых в области теоретических проблем исторической науки, подчеркивал, что они "связаны с постановкой ряда весьма существенных вопросов, относящихся как к истолкованию важных сторон общественного развития, так и к принципам исторического познания"²⁴. Тем самым внимание научной общественности привлекалось к актуальным проблемам исторической методологии, разрабатывавшимся на Западе.

Отметим, наконец, его труды в области генезиса западноевропейского феодализма, в особенности монографию "Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.", до настоящего времени остающуюся примером органического сплава конкретноисторического и историографического исследования. И все же, повторимся, именно в научно-педагогической деятельности А.И. Данилова полнее всего проявилась его яркая личность, именно ее результаты оказались наиболее прочными, в определенном смысле пережившими его время.

* *
*

Стиль научно-педагогической деятельности А.И. Данилова²⁵ характеризовался высокой требовательностью прежде всего к самому себе. Безусловная, не требующая напоминания обязательность по поводу данного им слова или обещания, твердая правдивость, вежливая, а порой откровенно грубоватая основательность, широта, солидность и глубина подхода к любому вопросу, отсутствие какой-либо мелочности и суевы, поверхностности и верхоглядства – все это и многое другое говорили об А.И. Данилове как о человеке большого ума, силы воли и характера. Сама внешность, строгая и благородно-величавая, побуждала каждого, будь это студент, аспирант или профессор, как-то внутренне подобраться и ясно говорила о дистанции, преодолеть которую с помощью каких-то чисто внешних приемов, легковесных соображений не удавалось, я думаю, никому. Эта внешняя суровость была вместе с тем естественной манерой поведения, в которой не было чего-либо напускного, ибо это было стилем, жизненной позицией человека, предъявлявшего к себе столь же высокие требования, как и к другим. Может быть, эта внешняя суровость была формой самозащиты, так как это была натура ранимая, и его легко можно было обидеть.

²³ См.: Hösler J. Die Sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. München, 1995, S. 297.

²⁴ Данилов А.И. О некоторых вопросах..., с. 216.

²⁵ Данная часть текста основана на воспоминаниях Н.И. Смоленского и сохранившихся конспектах студенческих и аспирантских лекций А.И. Данилова.

Должен сказать, что общение с А.И. Даниловым не было ни доступным, ни легким, в том числе и потому, что соответствовать уровню его требований было далеко не просто. Проявления облегченного или поверхностного отношения к делу, о чем бы ни шла речь, встречали строгий, язвительный, хлесткий, а порой и грубый разбор и запоминались надолго, многое – навсегда. Проходят годы, но, странное дело, вся эта внешняя форма общения меркнет, не оставляет ощущения обиды и забывается по сравнению с тем содержанием, которое было истинной ценностью общения с Учителем. Человек скупой на похвалу и редко прибегавший к этому, А.И. Данилов умел, когда это отвечало его критериям и меркам, находить такие слова, которые, как правило, оказывались мощной поддержкой надолго. Был чрезвычайно разборчив в подборе аспирантов, учеников, однако в тех случаях, когда выбор состоялся, в квалифицированном руководстве и помощи можно было не сомневаться.

В годы ректорства в Томском университете А.И. Данилов вел активную преподавательскую работу. Читал различные курсы: историографию всеобщей истории, историю средних веков, но самое главное – дисциплину, необычную для тех времен, – методологию истории. Ему была присуща особая манера чтения лекций. Приходил на занятия с тощей папкой, которую редко открывал, главным образом, для того, чтобы что-то процитировать. В таких случаях он ненадолго присаживался, а все остальное время прохаживался взад-вперед, руки, как правило, за спиной. Проблемы дисциплины на лекциях, естественно, не было, достаточно было одного его взгляда, чтобы каждому стало ясно, куда он пришел и чем здесь надлежит заниматься.

В его влиянии на аудиторию было нечто демоническое, но это достигалось не с помощью каких-то чисто внешних приемов – никаких словесных украшений, эффектных приемов, тем более шуток на этих лекциях не было. Это был, так сказать, чисто мыслительный стиль, шла неторопливая раздумчивая работа мысли. Он брал силой логики; иногда казалось, что для него нет аудитории, он размышлял сам с собой, о чем говорил его ушедший куда-то взгляд. Ситуация отстраненности сочеталась, однако, с тем, что он полностью владел вниманием аудитории, и все сказанное в такие минуты воспринималось как нечто из глубины души, – а так это и было на самом деле, – как откровение, а потому воспринималось с полным и неограниченным доверием. Лекции постоянно обновлялись, что я могу засвидетельствовать с полной уверенностью, он никогда не мог сказать, как именно он читал данную тему в предыдущем году.

Как экзаменатор был строг; трепет испытывал практически каждый входящий к нему на экзамен, столь же бурной была радость, если испытуемому удавалось добиться желаемого. Создавалось впечатление, что Александр Иванович судил о качестве ответа не только по чисто фактической его стороне, хотя и требовал большой конкретности и точности представлений, вплоть до точности хронологии, но старался понять и выявить уровень мыслительных способностей студента. Запомнилось, во всяком случае, во времена его непродолжительной работы в Казанском университете, что ответ экзаменуемого он, как правило, не прерывал, не останавливал и выслушивал до конца, вследствие чего экзамен мог продолжаться без перерыва до позднего вечера. С годами эта привычка ослабевала и позже, особенно, когда он знал студента и ответ ему был по душе, он с видимым удовольствием останавливал его, что превращалось в своеобразную похвалу и стимул для учебы в дальнейшем; среди многих из нас, прошедших эту школу, считалось неприличным приходить к нему на экзамен недостаточно подготовленным, хотя поначалу было, конечно, и чувство страха.

Для всех авторитет А.И. Данилова как преподавателя был непререкаем, в чем-то хотелось ему подражать и лишь с годами мы освобождались от магии этого влияния, с неизбежностью становясь каждый сам собой. Однако эта школа наилучшим образом развивала в каждом из нас то, чем мы были и могли стать на самом деле. Отличительным и неизменным свойством педагогической деятельности А.И. Данилова был поиск и именно научный творческий поиск. Это не просто обычная, так

сказать, работа преподавателя над совершенствованием своего курса, это всегда нечто большее: содержание лекций было максимально приближено к новейшим достижениям науки в соответствующей области и включало в себя там, где это было возможно, изложение собственной научной позиции в полемике с иными взглядами. Так, излагая трактовку некоторых титулов Салической правды в работах его учителя А.И. Неусыхина, он давал свое понимание предмета, что в любом случае было незабываемо и поучительно. Но есть одна дисциплина, которая теперь, по прошествии лет, воспринимается не просто как один из учебных предметов, а как область, на материале которой он формулировал, развивал, обогащал свои собственные научно-теоретические позиции; это – методология истории.

Впрочем, дисциплина, – а это был спецкурс, поскольку учебный план иного предмета данного профиля тогда, в 60-е годы, не предусматривал – с таким именно названием поначалу им не читалась. Название, как и содержание, развивались. А.И. Данилов постепенно подходил к формированию совокупности представлений о методологии истории не только как учебного предмета, но и как теоретической дисциплины истории. Первоначальный опыт чтения спецкурса был реализован в следующей формулировке: "Введение в историографию с элементами методологии исторического исследования". Основная линия развития этого спецкурса историографического характера заключалась в обогащении его методологического аспекта и превращении его в основной.

В одном из первоначальных вариантов программа данного предмета включала в себя следующие разделы: I. Общая характеристика исторической науки и историографии как ее части. II. Историческое познание. III. Принцип историзма. IV. Исторический факт и исторический источник. V. Главные этапы развития исторического знания. Более усовершенствованный вариант этой дисциплины состоял из следующих пунктов: I. Предмет и задачи методологии истории. II. Историческое познание. III. Принцип историзма. IV. Исторический факт и исторический источник. Окончательный, насколько мне известно, вариант включал следующие разделы: I. Предмет и задачи методологии исторического исследования. II. История как наука. III. Объективность и партийность в историческом познании. IV. Принцип историзма. V. Исторический факт и исторический источник.

Конечно, выделение трех вариантов в данном случае условно, так как каждый семестр приносил что-то новое, что-то вносилось впервые, что-то обновлялось, обогащалось, расширялось, поистине, это была непрерывная работа над курсом. Она представляла собой, по существу, некий органический сплав педагогического и научного аспектов, ибо в ходе ее у А.И. Данилова приобретали все более отчетливую форму представления о том, что такое методология как теоретическая дисциплина истории, каковы ее предмет, проблемы и задачи.

В чем тут была новизна и насколько это было значимо? В чисто педагогическом плане это было достаточно необычно для тех лет, и можно привести лишь отдельные примеры чтения курсов, которые в той или иной мере затрагивали методологические проблемы, – Н.А. Ерофеев в МГУ, К.Д. Петряев в Одесском университете²⁶. Но даже не это главное. Отсутствие в историческом образовании тех лет методологии как теоретической дисциплины истории объясняется, по-видимому, всеобщим убеждением в том, что такая методология есть – истмат, и думать тут в педагогическом и научно-исследовательском плане не над чем. Прямого запрета на теоретические поиски не было, однако не было и такой естественной ситуации, когда сами историки работают над методологическими проблемами своей науки. В этом заключалось одно из существенных негативных отступлений от традиций отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в., представленной педагогической деятельностью и научными трудами Н.И. Кареева, В.В. Хвостова, К.В. Хвостова, А.С. Лаппо-Дани-

²⁶ Ерофеев Н.А. Что такое история. М., 1976; Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976.

левского и других известных историков. Впрочем, в советской историографии сочетание опыта конкретно-исторического исследования с развитым теоретическим мышлением было присуще целому ряду ее известных представителей – А.И. Неусыхину, И.Д. Ковальченко, М.А. Баргу и др.

А.И. Данилову принадлежит в этой связи заметная роль как одному из инициаторов изучения методологических проблем. На какого рода аргументы он опирался в обосновании необходимости изучения теоретико-методологических проблем исторической науки? Этот вопрос имеет прямое отношение к характеру его восприятия материалистической теории, идейная приверженность которой была у него не только на языке, но и в сердце. Он рассматривал эту теорию как единственную общую основу и метод не только исторической науки, но и всех наук об обществе. Вместе с тем в последних вариантах своих лекций в Томском университете он отмечал, что наличие упомянутой теории не освобождает историков от обязанности заниматься методологией своей науки и подчеркивал, что наличие общей марксистской методологии предполагает необходимость разработки теоретических проблем исторической науки силами именно исторической науки, а не философского мышления и познания. Очевидно, в этом заключалась его реакция на весьма распространенную практику обращения к теоретико-методологическим проблемам исторического познания профессиональных философов и определенную отстраненность от этого большинства историков.

Дело, однако, не в некоем формальном разделении труда. Понимать это следует в том смысле, что, как А.И. Данилов повторял в своих лекциях, методологические проблемы возникают не из отвлеченных рассуждений об истории, а из опыта конкретного ее изучения; методология в этом смысле является теоретическим выражением практики исследовательской работы историка. Это не устарело, хотя, конечно, опора на конкретно-исторический анализ в теоретическом мышлении историка имеет неодинаковое значение при изучении исторических проблем различной степени широты и общности. Даже с учетом методологической продуктивности правила о познании общего через единичное нельзя не признать, что чем более широкими и общими являются теоретические выводы и обобщения историка, тем большее значение приобретает выход его мышления за пределы опыта изучения любой частной конкретно-исторической проблемы; вместе с тем, конечно, все такие обобщения будут действительны только для рамок данной исторической среды и времени. Конкретно-историческая привязка и заземленность любых методологических поисков историка в этом смысле необходима и, по существу, неустранима из самой природы механизма исторического мышления.

Связь опыта конкретно-исторического исследования и теоретического мышления историка не рассматривалась А.И. Даниловым механически: конкретно-исторический анализ отнюдь не автоматически приводит к постановке методологических проблем; с другой стороны, он утверждал, что методология не может дать ответ на каждый частный вопрос познания, но может научить его решению.

Отдавая дань времени, А.И. Данилов неоднократно подчеркивал, что у советского историка может быть только одна методология – материалистическая теория; правда, к этому необходимо добавить, что данные заявления сочетались у него с глубокой и искренней верой в ее научность. Это не отличало его от целого ряда других высоко-профессиональных историков с их искренней приверженностью к материалистической теории. Важно отметить другое: он подчеркивал не только необходимость, но и возможность развития и обогащения этой теории. Сама постановка вопроса о необходимости для историка изучения своих особых методологических проблем, анализ которых не уводил бы его от материалистической теории, а представлял бы собой способ ее конкретизации, развития, основывалась на его соображении о том, что материалистическая теория по-разному применяется в различных областях научного познания, ибо это зависит от их предмета в каждом отдельном случае. Вследствие этого А.И. Данилов подчеркивал мысль о необходимости конкретизации

категорий данной теории к предмету научного знания; без этого, считал он, материалистическая теория не может выступать в качестве метода познания и рискует превратиться из орудия познания в лозунг, фразу. Все это ясно говорит о понимании А.И. Даниловым недопустимости отношения к материалистической теории как к чему-то окончательному, застывшему, не требующему развития и обогащения. Трудно сказать, видел ли он недостаточность условий того времени для реализации такой постановки вопроса. Однако нельзя не признать, что его видение способа обогащения теории путем соотношения ее с опытом конкретно-исторического анализа сохраняет свое рациональное содержание и значение, и не только по отношению к данному случаю. Тезис о методологии как теоретическом выражении практики исторического исследования имеет общее научное значение, это не устарело.

В историко-методологическом наследии А.И. Данилова опыт конкретно-исторического исследования как основы методологических поисков рассматривается не только в качестве современного в каждый данный момент расстояния исторического познания, но и включает в себя его предшествующее развитие. Методология истории в этом смысле тесно связана с историографией; историографический материал позволяет ставить и решать методологические проблемы. Опора на большой и разнообразный историографический материал в анализе важнейших методологических проблем является отличительной чертой исследовательской манеры А.И. Данилова. Позитивное значение этой постановки вопроса заключается поныне в том, что история познания является одним из важных источников понимания его природы – механизма исторического мышления и познания. Сформулированные им принципы историографического исследования позволяют всесторонне анализировать любое историографическое явление – историографическую школу, взгляды отдельного историка, частную историографическую проблему. Речь идет именно о комплексном, всестороннем подходе к историографическому исследованию, в ходе которого выявляются общие и конкретно-исторические свойства механизма исторического мышления в ту или иную эпоху: так историографическое исследование приобретает методологический характер.

Следует, однако, заметить, что в собственно историографических курсах лекций, – а их А.И. Данилов регулярно читал в Казанском и Томском университетах – он отошел от принципа этой всесторонности анализа и подходил к изложению историографического процесса преимущественно с точки зрения развития и смены теоретических позиций историков. Такой методологический подход к курсу историографии составляет важную продуктивную особенность педагогической манеры А.И. Данилова: она способна дать больше, чем, скажем, самое подробное изложение конкретно-исторических взглядов на любое событие. Здесь содержится частично ответ на вопрос о том, как именно следует подходить к построению лекционных курсов и учебников по историографии.

Понимание А.И. Даниловым того, что такое методология, неоднозначно. Во-первых, под методологией подразумевается теоретическое выражение практики конкретно-исторического исследования, ее нужд, проблем, итогов, выводов. В этом смысле методологическим значением, то есть способностью выполнять познавательную функцию, быть средством получения или прироста нового исторического значения, обладают не только методы, но и практически все теоретически сформулированные результаты исследовательской работы историка – понятия, категории, обобщения, принципы, теории. Такой подход к методологии сам по себе правомерен. Наряду с этим понятие методология А.И. Данилов употреблял в более узком и изначальном смысле – как учение о методах, точнее, о методе исследования. Отсутствие множественного числа в употреблении слова метод не случайно, ибо имелся ввиду диалектико-материалистический метод как фундаментальное средство познания. Это, конечно, не означает, что А.И. Данилов не признавал познавательной роли иных, частных методов исторического исследования, поскольку сам использовал их в докторской диссертации в ходе изучения проблем аграрно-исторической эволюции – ретроспек-

тивный метод, метод пережитков, сравнительно-исторический метод, метод терминологического анализа. Однако под методологией в узком смысле слова он понимал теоретическую дисциплину истории, основная задача которой состояла в развитии, обогащении диалектико-материалистического метода силами и средствами исторического познания. Можно полагать, что этот метод являлся для него общей теоретической основой частных методов исторического исследования, что, конечно, верно в том смысле, что частные методы исторического исследования в любом случае опираются на более общие, чем рамки изучаемых в каждый данный момент явлений, теоретические представления об истории. Однако в курс его лекций характеристика упомянутых методов не входила. Но разборка именно этих методов нерасторжимо связана с практикой конкретно-исторического исследования, а в задачу методологии может входить лишь их изучение, систематизация, выявление границ и условий их применения и в связи с этим изучение их познавательных возможностей.

Идейно-методологическое наследие А.И. Данилова – идет ли речь о его печатных работах или об университетских лекциях – не устарело до сих пор в существенной своей части, прежде всего в понимании методологии как теоретического выражения практики исторического исследования. Отсюда и та роль, которая отводилась им истории мышления в качестве одной из основ изучения методологических проблем. Не устарела и постановка ряда таких проблем, как соотношение исторической науки и современной ей среды, проблема историзма, логики и механизма исторического мышления. Детальный анализ его взглядов еще ждет своего исследователя²⁷.

Страницы прошлого... Незабываемые уроки школы и жизни. Влияние А.И. Данилова на тех, кто прошел его школу, неизгладимо из памяти, ибо это было нечто гораздо большее, чем влияние профессионала высокого класса, – это было влияние Личности. Это та опора на прошлое, которая в продолжающейся жизни помогает отличать подлинные ее ценности от мнимых, адекватно реагировать на перемены в окружающем мире.

²⁷ Литературу о жизни и трудах А.И. Данилова см.: Александр Иванович Данилов. Библиографический указатель. Томск, 1988.